

иммигрантов и национальных меньшинств плохо овладевают как первым, так и вторым языком.

Несмотря на отдельные спорные положения и не совсем удачные формулировки, результаты исследований Т. Скунтаб-Кангас являются ценным вкладом в разработку педагогических, прикладных, причинно-следственных аспектов двуязычия.

Н. С. Ермакова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Т. Ф. Сиверцева. Семья в развивающихся странах Востока (социально-демографический анализ). М.: Наука, 1985. 165 с.

Исследования этносоциальных процессов в зарубежных странах, выявляющие связь этих процессов со спецификой социально-политического развития наций и конкретных этнокультурных ситуаций, в последнее время стали одним из важных направлений в этнографической науке¹. Особенно это касается развивающихся стран, в которых под влиянием кардинальных экономических и социальных сдвигов происходит разрушение традиционных укладов и зарождение новых, порой неожиданных форм этнокультурных явлений и процессов.

Заметное место принадлежит здесь анализу семейных отношений, в рамках которых воспроизводится большинство этнических характеристик. С целью координации комплексных исследований семьи в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР создана и действует межсекторальная проблемно-тематическая группа. Учитывая все это, можно сказать, что рецензируемая работа, хотя акцент в ней сделан на социально-демографическом аспекте исследования семьи, представляет несомненный интерес для этнографов.

Основная цель работы состоит в «рассмотрении динамики, структуры и роли семьи в развивающихся странах», причем особое внимание уделяется «комплексному анализу взаимного влияния развития семьи, социально-демографических и отчасти социально-политических процессов» (с. 4). К сожалению, подобный подход, охотно декларируемый многими авторами, далеко не всегда находит подтверждение в соответствующих исследованиях, где анализ социально-экономической ситуации и собственно семьи нередко ведется как бы параллельно, а их взаимосвязи остаются нераскрытыми. В пользу рецензируемой работы говорит то, что в ней в целом выдержан принцип комплексности исследования.

Первая из четырех глав монографии посвящена анализу эволюции семьи в развивающихся странах. Автор характеризует своеобразие норм брачности (понимая под ней возраст вступления в брак, распространенность и формы брака, разводимость), сложившихся в рамках ислама, буддизма, индуизма и христианства. Эволюцию традиционных норм брачности в странах Востока Т. Ф. Сиверцева связывает с их социально-экономическим развитием, которое приводит к изменению структуры семьи, а также со значительно усилившимся в последнее время процессом эмансипации женщин.

Интерес этнографов, несомненно, вызовет вторая часть главы, в которой рассматривается эволюция форм семьи. Взяв за основу такие типы, как расширенная, неразделенная и нуклеарная семья², автор констатирует, что в развивающихся странах наиболее распространены семьи, «объединяющие в себе различные элементы этих типов» (с. 29). В то же время общей для изучаемого региона Т. Ф. Сиверцева считает тенденцию к нуклеаризации семей, правда, специально оговариваясь, что нуклеарная восточная семья достаточно разнообразна и не всегда идентична нуклеарной западной семье (с. 35). В большинстве восточных стран сложные семьи продолжают сохраняться наряду с нуклеарными и даже функционально взаимодействуют с ними. Кроме того, институт большой семьи нередко сохраняется в виде определенных пережитков и специфических социально-психологических установок.

В монографии подчеркивается, что начавшийся процесс разложения большой семьи оказывает немалое влияние на изменение функций семьи и ее места в структуре современного общества. В данном контексте интересна высказанная автором мысль, что по мере распада большой семьи традиционный комплекс внутрисемейной и родовой мотивации, прежде имевший решающее значение в формировании репродуктивного поведения, разрушается и ему на смену приходят иные мотивы и стереотипы поведения, реализация которых означает переход к новому типу воспроизводства населения.

Подробному рассмотрению этого процесса посвящена вторая глава монографии. Автор исходит из того, что рождаемость наиболее адекватно отражает социально-экономические изменения в развивающихся странах (с. 41). Безусловно признавая, что динамика рождаемости зависит от сдвигов в социально-экономической сфере, мне все

¹ См. *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. С. 123.

² Т. Ф. Сиверцева ссылается на неоднозначность трактовок типов семьи в советской и зарубежной литературе, указывая на условность выбранных ею наименований типов семьи.

же хотелось бы возразить автору, что эта зависимость не столь очевидна, поскольку она опосредствована действием многих промежуточных факторов, о которых, кстати, в дальнейшем говорит и сама Т. Ф. Сиверцева. В развивающихся странах, где обычно наблюдается устойчивость традиционной мотивации репродуктивного поведения, особенно велика роль этнокультурных факторов. Поэтому Т. Ф. Сиверцева совершенно права, отмечая, что «сходные социально-экономические причины в разных культурных ареалах могут вызвать противоположные воздействия на рождаемость: например, стремление к экономической самостоятельности семьи в развитых странах может приводить к снижению числа детей в семье, а в развивающихся — к повышению» (с. 83).

Придерживаясь принятого в демографии довольно условного деления факторов рождаемости на социально-экономические и культурно-бытовые, Т. Ф. Сиверцева посвящает специальный раздел рассмотрению каждой из этих групп. К социально-экономическим она относит следующие факторы: материальное благосостояние семьи; занятость и характер труда; урбанизацию как степень приобщения к городскому образу жизни; образование как характеристику социально-экономического и культурного уровня.

Нет необходимости напоминать вслед за автором, какое влияние оказывает на рождаемость каждый из перечисленных факторов,— это относится скорее к предмету демографической науки. Однако некоторые поднятые автором проблемы несомненно должны привлечь внимание этнографов. Это можно сказать, в частности, об упомянутой автором дифференциации рождаемости в ряде развивающихся стран, имеющих крупные инонациональные поселения (особенно если этнические различия в них дополняются конфессиональными). В данном случае без анализа этнической ситуации в конкретных странах невозможно раскрыть причины межгосударственных различий в рождаемости.

Другая важная особенность — зависимость рождаемости от экономической роли женщины в семье. Думается, по этому вопросу Т. Ф. Сиверцева также могла бы шире использовать материалы, накопленные этнографами.

Кроме того, обращение к опыту этнографии, одной из главных задач которой всегда являлось изучение основных элементов образа жизни населения, позволило бы Т. Ф. Сиверцевой углубить анализ влияния урбанизации на рождаемость, ибо, как она верно замечает, роль данного фактора целесообразнее изучать исходя из представления об образе жизни городского и образе жизни сельского независимо от административной принадлежности исследуемого поселения к городскому или сельскому (с. 61).

Наконец, привлечение этнографического материала могло бы существенно углубить анализ влияния, оказываемого на репродуктивное поведение ростом образовательного уровня и связанным с ним изменением социальных и внутрисемейных ролей супругов.

Что касается культурно-бытовых факторов рождаемости, то они еще теснее смыкаются с этнической проблематикой. Несмотря на слабую разработанность классификации этих факторов, а также на отсутствие общепринятых критериев для отбора и интерпретации соответствующей информации, Т. Ф. Сиверцева на основе тщательного изучения доступных ей материалов сумела довольно полно охарактеризовать воздействие на рождаемость некоторых культурных особенностей народов развивающихся стран Востока, своеобразия их брачно-семейных отношений, а также религиозных установок.

В работе прослеживается связь между формами семейной организации и уровнем рождаемости у разных народов. Отмечая, что высокие показатели брачности и рождаемости во многих восточных странах связаны с «широким распространением родовых и неразделенных патриархальных семей» (с. 70), автор вместе с тем приводит материалы, свидетельствующие о неоднозначности подобной связи.

Вслед за В. И. Козловым³ автор пытается также рассмотреть крайне мало изученный вопрос о влиянии формы брака на рождаемость. В работе приводятся чрезвычайно редкие сведения о влиянии полигамии на рождаемость, составленные исследовательницей на основе материалов обследования, проведенного в Нигерии в 1977—1978 гг. (с. 73—74).

Интересны размышления Т. Ф. Сиверцевой о возникновении традиции многодетности, уходящей корнями в первобытную эпоху. Именно с этой традицией, сохранившейся до нашего времени, она связывает инертность населения многих развивающихся стран Востока в применении современных средств контроля над рождаемостью (с. 75). Понятно, что без ломки традиционной установки на многодетность никакие призывы к понижению рождаемости, даже подкрепленные соответствующими социально-экономическими мерами и общедоступностью противозачаточных средств, не будут вполне эффективными.

Между тем в восточных странах традиция многодетности оказалась очень прочной, чему в немалой степени способствовала религия. Автор, на наш взгляд, верно замечает, что если на ранних ступенях развития общества религия играла роль одного из самых мощных социально-психологических факторов, формирующих внутрисемейное поведение, то в современном мире ее воздействие в целом ослабело, но вместе с тем усложнилось, чаще опосредствуясь другими факторами (с. 76). Безусловно верный вывод о том, что «многие религиозные установки в результате их многовеко-

³ См. его работы «Динамика численности народов» (М., 1969), а также «Этническая демография» (М., 1975).

вого развития входят в культуру и быт народов, становятся по существу „народными традициями“ и как таковые продолжают существовать даже после ослабления влияния религии» (с. 76), еще раз подтверждает необходимость и несомненную пользу этнодемографического подхода к изучению рождаемости.

Кроме того, в работе приводятся очень интересные и редко встречающиеся в специальной литературе материалы о зависимости среднего количества детей от религиозной принадлежности родителей (с. 78—80), которые автор пытается интерпретировать исходя из специфических установок христианства, мусульманства, буддизма и индуизма.

Третья глава монографии названа «Положение женщины в семье и обществе». Из всего многообразия вопросов, группирующихся вокруг данной проблемы, автор концентрирует внимание главным образом на тех, которые связаны с демографическим развитием семьи.

Выделяя в качестве важнейшего фактора раскрепощения женщины в развивающихся странах приобретение ими самостоятельного экономического статуса, Т. Ф. Сиверцева вместе с тем подчеркивает, что на изменение социальной роли женщин, а также их отношения к деторождению влияет не занятость вообще, а именно занятость в современном индустриализованном секторе (с. 88).

В монографии прослеживаются истоки женского движения в странах Востока, его социальная дифференциация, основные направления, характер требований и другие проблемы. Успешное решение женского вопроса автор связывает со всем комплексом проблем модернизации в развивающемся обществе.

Т. Ф. Сиверцева попыталась охарактеризовать экономическую и политическую активность женщин в ряде развивающихся стран с помощью таких показателей, как процент женщин в парламенте, в самостоятельном населении, а также среди сельскохозяйственных и несельскохозяйственных рабочих (с. 97). Эту попытку приходится признать не вполне удачной, особенно в отношении политической активности, которая, разумеется, не исчерпывается участием в парламенте. Думается, более правомерен тезис автора о том, что в условиях традиционной семьи не следует связывать вовлечение женщины в общественное производство с их политической активностью (с. 101). Нередко, как показано в работе (с. 101—102), женщины в восточных обществах используют совершенно особые, неизвестные в Европе рычаги воздействия на политическую жизнь, в которой они формально не участвуют. Поэтому хочется обратить внимание читателя на то, что, как верно замечает Т. Ф. Сиверцева, «включенность женщин в традиционную социальную организацию далеко не равносильна ее „закабалению“ и общественной пассивности. И наоборот: насильственный слом этой включенности не обязательно ведет к „раскрепощению“ женщины, повышению ее статуса и активизации ее роли в обществе» (с. 102).

Последняя, четвертая глава монографии посвящена рассмотрению политики народонаселения. Как и в предыдущих главах, автор касается в основном лишь тех аспектов демографической политики, которые связаны с проблемами рождаемости.

Закономерный процесс ослабления позиций традиционного сектора в развивающихся странах, постепенная модернизация их экономики, рост урбанизации и образовательного уровня населения способствуют тому, что все большая часть семей начинает практиковать сознательное регулирование деторождения. Вместе с тем, как показывает Т. Ф. Сиверцева, этнокультурная специфика восточных стран, и прежде всего влияние религии, сдерживает широкое распространение контроля над рождаемостью. В работе дается оценка позиций мировых религий, бытующих на Востоке, по отношению к ограничению рождаемости (с. 111—115). Но автор, на наш взгляд, верно придает второстепенное значение религиозному фактору, подчеркивая, что в сходных по конфессиональному признаку, но имеющих разный уровень социально-экономического развития странах влияние религии на демографическое поведение далеко не одинаково (с. 115).

Большой интерес представляют материалы, характеризующие разрыв между идеальным, желаемым и реальным количеством детей в развивающихся странах Востока. Анализ этих материалов позволил автору сделать заключение, что население в большинстве стран этого региона потенциально склонно к ограничению деторождения (с. 119). Этот факт особенно важно подчеркнуть, так как он означает, что в восточных странах уже подготовлена почва для успешного проведения демографической политики, ибо последняя, безусловно, «не может быть искусственным средством поддержания демографического равновесия» (с. 124), но должна строиться с учетом объективных тенденций социально-экономического развития и сдвигов в сознании людей.

Т. Ф. Сиверцева совершенно справедливо обращает внимание на то, что в своем репродуктивном поведении семьи руководствуются главным образом узкими семейными, а отнюдь не широкими национальными интересами. Это доказывает необходимость гибкости демографической политики, ее неформального характера и ориентации на цели, доступные и понятные широким массам населения.

Специально следует отметить собранные автором и представленные в виде таблицы сведения об основных этапах формирования и развития планирования семьи в развивающихся странах (с. 126). Кроме того, в работе дается краткая сравнительная характеристика программ планирования семьи в отдельных странах. Особенно подробно автор останавливается на примере Индии и Пакистана, применительно к которым сделана попытка дать комплексный анализ основных проблем демографического развития, а также мероприятий и результатов реализации программ планирования семьи. Оценивая значение программ планирования семьи, автор признает их важность, указывая на настоятельную необходимость соотнесения их «с социально-экономиче-

ским и социально-психологическим состоянием и запросами бедствующего народного большинства» (с. 148). По итогам проделанного исследования Т. Ф. Сиверцева прослеживает возможные пути эволюции восточной семьи. В частности, она высказывает предположение о дальнейшем росте числа нуклеарных семей, хотя и подчеркивает, что в ближайшем будущем в отличие от «западного варианта» они еще будут сохранять некоторые традиционные черты (с. 147).

Рецензируемая работа, разумеется, не исчерпывает всего многообразия проблем семьи, стоящих перед развивающимися странами Востока. Разные уровни социально-экономического и культурного развития, своеобразие конкретно-исторической и политической ситуаций в каждой из стран, неоднозначность многих ключевых понятий, касающихся функционирования семьи, положения женщин и демографической политики, наконец, разнородность, а часто и просто отсутствие необходимых статистических сведений — все это в совокупности помешало автору в должной мере систематизировать изученный материал и создать целостную и одновременно точную модель семьи в развивающихся странах. Вместе с тем продемонстрированное Т. Ф. Сиверцевой умение ориентироваться в злободневных проблемах социально-демографического и культурного развития стран Востока, в целом выдержанный ею принцип комплексности исследования, нестандартный подход ко многим сложным явлениям несомненно делают ее работу ценной и полезной для широкого круга демографов, этнографов, востоковедов и других специалистов, занимающихся проблемами семьи.

О. Д. Комарова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Ш. А. Богина. Этнокультурные процессы в США. Конец XVIII — начало XIX в. М.: Наука, 1986. 112 с.

Тема новой монографии Ш. А. Богиной относится к одной из наиболее сложных для анализа сфер науки, так как изучение этнокультурных процессов вообще непременно предполагает охват и компоновку огромного разнопланового материала, принадлежащего многим областям этнографии и ряду других дисциплин. В данном же случае и значимость темы книги не уступает ее сложности: момент становления нации остается интереснейшей темой для всех обществоведческих дисциплин.

Два предмета находятся в центре внимания Ш. А. Богиной: этнические процессы, приведшие к сложению американского народа, и формирование культуры и самосознания этого народа. Основную мысль, владевшую автором при написании книги, можно было бы выразить словами известного американского этнографа, знатока Карибского региона С. Минца о том, что люди в странах Нового Света «превращались в общность и приобретали общую культуру, поскольку и по мере того, как создавали их»¹. Наглядно демонстрируя этот процесс, Ш. А. Богина рассматривает этническую историю именно как часть общей истории страны, что позволяет полно показать и этнические процессы: их социальную, экономическую и идеологическую подоплеку, их конкретные формы и результаты, предвещающие какие-то новые этапы этнического развития.

В главах I—III Ш. А. Богина выделяет и анализирует существенные черты этнической ситуации в Соединенных Штатах Америки изучаемого периода: разнообразие этнического состава, главные типы межэтнических контактов и связанных с ними этнических процессов, а также паличие этнической дискриминации.

Ш. А. Богина использует огромный и разнообразный круг источников: данные Бюро переписи, мемуарную литературу, записки путешественников, правительственные документы, работы европейских и американских историков изучаемого времени, произведения художественной литературы.

При характеристике этнических процессов Ш. А. Богина не только соотносит их с событиями гражданской истории, но и не упускает из виду таких специфических факторов, определяющих их, как, например, длительное сохранение в районе голландской колонии системы землевладения феодального типа, препятствовавшей мобильности голландцев, а тем самым и смешиванию их с окружающим населением — с. 13 (отъезд из США в конце XVIII в. нескольких сот семей феодалов изменил это положение и облегчил ассимиляцию голландцев).

Обобщая материал первых глав, Ш. А. Богина намечает крайние точки некоего ассимиляционного процесса: с одной стороны, очень медленное и длительное вживание в американскую действительность групп, подобных пенсильванским немцам, селившимся компактно и пытавшимся культивировать свои этнические традиции, с другой — интенсивное смешение, физическое и культурное, жителей Нью-Джерси — модель процессов, все более типичных для Америки по мере развития в стране капитализма.

¹ Mintz S. W., Price R. *Anthropological Approach to Afro-American Past: a Caribbean Perspective*. Philadelphia, 1981. P. 7.